

Г.Ф.Ковалев (Воронеж)

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О РУССКОМ МАТЕ

Автор привлекает внимание лингвистов к проблеме этимологии русского мата, а также, указывая на толерантное отношение к бранной лексике великих русских писателей, отстаивает право художников слова на использование данной лексики в художественных произведениях в целях сохранения содержательности и образности текста.

The article attracts the attention of linguists to the problem of Russian obscene language etymology. The author indicates tolerant attitude of Russian writers to obscene words and stands for the right of penmen to use this kind language in order to retain meaningfulness and figurativeness of the texts.

Насколько распространен мат в России, о том и говорить не приходится. Вот побывальщина, рассказанная Всеволодом Ивановым: «Жил-был разбойник. Много он награл золот, серебра, драгоценных камней. Чует, смерть близка... А отдавать сокровища близким – жалко, все дураки. Он их решил закопать, клад устроить. «Ну, чего тебе закапывать? – говорят ему. – Разве от русского человека можно что-нибудь скрыть. Он все равно найдет». – «Я положу зарок». – «Какой же ты положишь зарок?» – «Я такой зарок положу, что пока существует русская земля, того клада не выроют». Закопал он клад в твердую, каменистую почву и заклил зарок – тому получить клад, кто выроет его без единой материны!.. И прошло тысяча лет и тысяча людей рыли тот клад, и не нашлось ни одного, кто бы не выматерился. Так он и лежит по сие время» (Иванов 1978: 334).

Своеобразно высказался по поводу мата А.П.Платонов:

В церковь входят
снимают шапки,
но ругаются матом,
перекрестившись и вздохнув (Платонов: 25).

Русский поэт-эмигрант А.Несмелов, говоря о том, что все в жизни можно бросить, оставляет себе среди немногого родной язык:

Оставлю Вам, долги простив, –
Вам эти пастбища и пажити,
А мне просторы и пути.

Да Ваш язык. Не знаю лучшего
 Для сквернословий и молитв.
 Он, изумительный, – от Тютчева
До Маяковского велик (Несмелов 2001: 634).

А.С.Пушкин очень сожалел по поводу цензорских купюр в «БОРИСЕ ГОДУНОВЕ»: «Все это прекрасно; одного жаль – в «БОРИСЕ» моем выпущены народные сцены, да матерщина французская и отечественная; <...>» (Письмо П.А.Вяземскому 2 января 1831 г.). А.С.Пушкин умело и со вкусом использовал русский мат в своих произведениях, например в «ТЕЛЕГЕ ЖИЗНИ». Вообще свою стратегию в отношении «неприличной» лексики он лапидарно выразил в следующих словах: «Если уж ты пришел в кабак, то не прогневайся – какова компания, таков и разговор; <...> А если ты будешь молчать с человеком, который с тобой разговаривает, то это с твоей стороны обида и гордость, недостойная доброго христианина» («Писатели, известные у нас под именем аристократов»). Часто ему приходилось и обращаться к эвфемизмам, смягчающим силу мата. Так, негодуя по поводу бездарного перевода М.Е.Лобановым «ФЕДРЪ» Расина, он писал: «И об этом у нас шумят, и это называют наши журналисты прекраснейшим переводом известной трагедии г. Расина! Voulez-vous decouvrir la trace de ses pas – надеешься найти

Тезя жаркий след иль темные пути –
мать его в рифму! вот как все переведено (Письмо Л.С.Пушкину, февраль 1824 г.).

От него не отстал в отношении «матери» В.В.Маяковский:
 «Эй, ты!

Мать твою разнэп!» («Про это», 1923 г.).

Не чурался «крепких» слов и Н.А.Некрасов. А.Ф.Кони вспоминал: «За обедом, где из женщин присутствовала она (Фекла Анисимовна – жена Некрасова – Г.К) одна, Некрасов, передававший какое-нибудь охотничье приключение или эпизод из деревенской жизни, прерывал свой рассказ и говорил ей ласково: «Зина, выйди, пожалуйста, я должен скверное слово сказать», – и она, мягко улыбнувшись, уходила на несколько минут» (Кони 1989: 203).

И.А.Бунин, когда ему было присвоено звание почетного академика, «в благодарность решил поднести Академии «словарь матерных слов» и очень хвастал этим словарем в присут-

ствии своей жень» (Чуковский 1991: 463). Для создания этого словаря «вывез он из деревни мальчишку, чтобы помогал ему собирать матерные слова и непристойные песни» (Там же: 464).

Русский мат спас жизнь И.А.Бунину в «окаянные» революционные годы. Вот как он это описывал: «А в полдень в тот же день запылал скотный двор соседа, и опять сбежались со всего села, и хотели бросить меня в огонь, крича, что это я поджег, и меня спасло только бешенство, с которым я матерными словами кинулся на орущую толпу» (Бунин 1990: 83).

Об отношении И.А.Бунина к мату говорят его воспоминания о Куприне: «Ругался он виртуозно. Как-то пришел он ко мне. Ну, конечно, закусили, выпили. Вы же знаете, какая Вера Николаевна гостеприимная. Он за третьей рюмкой спрашивает: «Дамы-то у тебя приучены?» К ругательству, подразумевается. Отвечаю: «Приучены. Валяй!» Ну и пошел и пошел он валять. Соловьем заливается. Гениально ругался. Бесподобно. Талант и тут проявлялся. Самородок. Я ему даже позавидовал» (Одоевцева 1989: 289). О «вольности» И.А.Бунина в выражениях вспоминала Н.Н.Берберова. После скабрезного рассказа Бунина она писала: «Рассказывание подобных историй кончилось довольно скоро: после двух-трех раз, когда он произнес вслух и как-то особенно вкусно «непечатные» (впрочем, давно на всех языках, кроме русского, печатные) слова – он любил главным образом так называемые детские слова на **г**, на **ж**, на **с** и так далее, – <...> он совершенно перестал «рисоваться» передо мной» (Берберова 1999: 293). Употреблял Бунин непечатные слова и не только для рисовки: «Однажды Г.В.Иванов и я, будучи в гостях у Бунина, вынули с полки томик стихов о Прекрасной Даме, он был весь испещрен нецензурными ругательствами, такими словами, которые когда-то назывались «заборными». Это был комментарий Бунина к первому тому Блока» (Там же: 296).

З.А.Шаховская вспоминала о том, как ее в Париже встретил И.А.Бунин: «Мы сели в такси, и по дороге Иван Алексеевич, с обычной своей остротой, принялся рассказывать все, что произошло в русском литературном Париже, выражаясь крепко и по-русски, о своих и моих собратях. Жаль, не было тогда еще кассет, чтобы сохранить неповторимую (и нецензурную) речь академика. А когда мы выходили из такси, то, обернувшись к нам с веселым лицом, шофер сказал: «Приятно было покатать

гордость нашей эмиграции. Я прямо заслушался – ох, и хорошо же Вы знаете русский язык!» – и отказался взять на чай» (Шаровская 1991: 204).

Отвергая мнение А.Б.Гольденвейзера, что Л.Н.Толстой никогда не употреблял матерщины, И.А.Бунин писал: «... употреблял и даже очень свободно – так же, как все его сыновья и даже дочери, так же вообще, как все деревенские люди, употребляющие их чаще всего по привычке, не придавая им никакого значения и веса» (Бунин 1967: 92). Это подтверждается и воспоминаниями А.М.Горького, присутствовавшего при разговоре Л.Н.Толстого и А.П.Чехова на прогулке в Ялте: «Сегодня в миндальной роще он спросил Чехова:

– Вы сильно распутничали в юности?

А.П. смятенно ухмыльнулся и, подергивая бородку, сказал что-то невнятное, а Л.Н., глядя в море, признался:

– Я был неутомимый ...

Он произнес это сокрушенно, употребив в конце фразы солёное мужицкое слово. Тут я впервые заметил, что он произнес это слово так просто, как будто не знает достойного, чтобы заменить его. И все подобные слова, исходя из его мохнатых уст, звучат просто, обыкновенно, теряя где-то свою солдатскую грубость и грязь» (Горький 1953: 182). Пролетарский писатель тут же вспомнил о характерной речи Л.Н.Толстого при первой встрече с ним: «С обычной точки зрения речь его была цепью «неприличных» слов. Я был смущен этим и даже обижен: мне показалось, что он не считает меня способным понять другой язык. Теперь понимаю, что обижаться было глупо» (Там же).

А.А.Ахматова сама никогда не ругалась, как и не употребляла бранной лексики в своем творчестве, однако: «Не шокировали ее и ругательства, и Ардовы, мне кажется, даже находили вкус в том, чтобы в ее присутствии говорить все, что им приходит в голову» (Роскина 1989: 98).

То же можно было бы сказать и об О.Э.Мандельштаме, однако вот как описывает его супруга его реакцию на цензурный беспредел: «В «СУХАРЕВКЕ» по моральным соображениям вычеркнули два слова: «только на сухой срединной земле, к которой привыкли, которую топчут, как мать, которую ни с чем не сравнить, возможен этот свирепый, расплывающийся торг, кроющийся матом эту самую землю». «Советский человек, – сказали ему, – свою мать уважает. Вспомните «МАТЬ» Горького...»

Мандельштам вообще не матюгался, но тут сказал нечто непотворимое» (Мандельштам 1999: 198).

Иногда поигрывал матерщинными словами А.П.Платонов. Так, он обыграл слово «могущество» для определения героя своего так и не написанного романа о Стратилате: «*Надо чтоб «ебущество» Полпашкина «превратилось» в силу Жовова с другим «знаком»*» (Платонов 2000: 105).

В молодости матерился и наш известный писатель В.П.Астафьев. С горьким сожалением бывший солдат признался в этом. О семье своей жены, он сказал: «*Отец ни разу в жизни их никого не ударил, ни разу матом не изругался. Это я уже восполнил пробел. Со мной она все услышала, и отец ее услышал от такого варнака, как я*» (АиФ 2001: 19).

Однажды на родном для него мате «оскоромился» и В.М.Шукшин. Его коллега по ВГИКу Ю.В.Григорьев вспоминает: «А на маленькой сцене Шукшин поразительно играл Нагульнова и настолько вошел в роль, что в какой-то момент вдруг сочно выматерился. Такого вгиковские стены еще не слышали. Мы все притихли. Но наша профессура промолчала» (Труд 2002: 10).

Любил крепкое русское словцо и Наум Мандель (Коржавин), поэтому о нем ходил такой стишок:

Не ругался б Мандель матом,

Мандель был бы дипломатом. (Сарнов 2002: 354).

На вопрос журналиста: «В свое время вы стали одним из первых писателей, кто использовал в своих книжках мат. Зачем? Чтобы выделиться?» Эдуард Лимонов ответил: «Чушь. Героями моих первых книг были люди в стесненных обстоятельствах, они находились на дне жизни. И поэтому изъяснялись не языком профессоров, а так, как весь народ» (Цепляев 2004: 20).

Матом активно занимался известный лингвист А.А.Реформатский. Об этом вспоминает его супруга писательница Н.И.Ильина: «Наш язык, как известно, очень приспособлен для «сквернословий и молитв», и пройти мимо этого факта Александр Александрович намерен не был – составлялся словарь сквернословий» (Ильина 1991: 569).

Да и известный филолог Ю.М.Лотман писал о мате, исходя из своего военного опыта, следующее: «Замысловатый, отборный мат – одно из важнейших средств, помогающих адаптиро-

ваться в сверхсложных условиях. Он имеет бесспорные признаки художественного творчества и вносит в быт игровой элемент, который психологически чрезвычайно облегчает переживание сверхтяжелых обстоятельств» (Лотман 1995: 14).

У нас были даже теории, что русский человек-де богобоязнен, а матерщина навязана, дескать, тюрками-иноверцами. Поэт И.Шкляревский в своей поэтической были «Пир» острожно спрашивает читателя:

А бранились теперешним матом
или с кислую вонью Орда
занесла его к нам в города?

Однако анализ аналогичной лексики в современных славянских языках говорит о всеобщем славянском характере мата (Ковалев 2002: 247-253).

Во многом распространению мата способствовало не только отсутствие должного уровня культуры пользования им, но и официозный на него запрет. Запретный плод сладок, особенно для людей только входящих в общественную жизнь. Подросток, употребляя бранную лексику, как бы приобщается к кругу «взрослых» людей, которым «по закону» разрешается выражаться намного свободней, нежели молодым. С другой стороны, мощный потенциал неприличных слов в семантике, свободное их варьирование, прекрасная словообразовательная разработанность позволяют некоторым людям, вообще не выходя из рамок мата, выразить все, что они пожелают. На помощь приходят мимика, жест, интонация, а также характерный ситуативный контекст.

Откуда же взялся русский мат? Кто к нам его занес? А никто нам его никогда не приносил. Это наше родное, тщательно скрываемое детище. Практически нет отечественных официальных словарей, в которых бы матерщина соседствовала со словарными статьями высокого стиля. Упоминание о некоторых словах такого типа есть лишь в словаре В.И.Даля (только в Бодуэновой редакции), да еще в таком специальном словаре, как *ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ* (Праславянский лексический фонд). Упоминание этих двух словарей уже говорит о многом: данная лексика глубоко народная, древняя и чисто славянская. Жизнь неприличных слов напоминает историю человеческого общества: человек рождается голым и нисколько этим не смущается, а если поз-

воляет климат, то и всю жизнь ничем себя не прикрывает. В тех же местах, где человеку необходимо от климата защищаться одеждой, было выдуманно, что голый – это весьма и весьма неприлично. А.А.Ахматова, отметив, что греки своих богов изображали нагими, гневно заявила: «Считать наготу непристойной – вот это и есть похабство» (Чуковская 1996: 107). Та же ситуация с одеждой была потом повторена в славянских языках и со словами, обозначающими гениталии и процесс порождения нового поколения.

Общеславянский глагол **jebati/jebti* мог иметь два значения: 1) бить, ударять и 2) обманывать. Значения эти только на первый взгляд кажутся совершенно разными. На самом же деле связь между ними самая прямая: могу стукнуть, могу и обмануть. В первом случае будет больно, во втором – обидно. Интересно, что и в русском языке эти же значения вполне сохранились, ср.: *jebanut'* – 'ударить, стукнуть'; *objebat'* – 'обмануть'. Эти значения сохранились практически во всех славянских языках, но вполне легитимно, а не зацензурно они существуют (и активно функционируют) в лужицких языках. Не будем брать обычные словари (типа словаря Арношта Муки, который сродни словарю В.И.Даля в Бодуэновской редакции), возьмем «официальный» орфографический словарь верхнелужицкого языка и обнаружим там следующее: *jebačny* – 'обманный', *jebak* – 'обманщик', *jebanje/jebanstwo* – 'обман, мошенничество', *jebać* – 'обманывать' (Völkel 1981: 145). Однако выражение этих значений в данной форме восточнославянские языки полностью табуировали вследствие перехода лексики, выражающей эти значения, в разряд инвективной. «Похабное» значение глагол **jebati/jebti* мог приобрести уже в общеславянскую эпоху, доказательством чему служит наличие его в целом ряде славянских языков (болгарский, польский, сербский, чешский, все восточнославянские). Значение это в современном русском вербализовалось в значительной степени через посредство телевизионных переводов в слове *трахать(ся)*.

Именно с этим значением (и, видимо, довольно давно) глагол **jebati/jebti* вошел в ставший уже междометием фразеологизм *job tvoju mat'*. Кстати, это любимое выражение нобелевского лауреата И.Бродского: только в одной книге С.Волкова «Диалоги с Иосифом Бродским» (1998) знаменитый поэт употребил это выражение около десяти раз. Правда, книга была сде-

лана из магнитофонной записи двух мужчин, но вышла на очень широкую публику.

Выражение это можно отнести к очень древнему периоду: конец эры матриархата и складывание патриархата. И значение его уже в ту пору было отнюдь не похабным, а скорее имущественным. Обладающий матерью рода становился хозяином рода. Поэтому древнее значение выражения *job tvoju mat'* необходимо было понимать как: 'я теперь – ваш отец' или 'я теперь – хозяин всего, что вам принадлежало'. Мы не имеем прямых доказательств этому в ранних письменных источниках, но позднейшие исторические факты красноречиво свидетельствуют об этом. Так, великий князь Владимир начал править в Киеве после убийства родного брата Ярополка, женившись на его невесте – Рогнеде и взяв в наложницы его жену гречанку (грекыню) Анну, уже беременную и затем родившую ему сына убиенного Ярополка – Святополка. Князь Мстислав (сын Владимира Мономаха), убив касожского (адыгского) князя Редедю, в жены взял себе жену убитого, притом, что очень важно, имевшую от Редеди двух сыновей – Романа и Георгия.

Поэтому проницательный знаток истории славянской лексики Р.Брандт, сопоставив глагол **jebati/jebti* с древнеиндийским *jabh (jábhati-te)*, заметил: «Как переходное значение для чешско-лужицкого слова приходится выставить 'ругаться по матерному', предполагая существование матерщины у праславян и отказываясь от объяснения ее у русских и у сербов заимствованьем у татар и у турок» (Брандт 1915: 355).

Наиболее популярным в последнее время оказалось предположение, что ранее выражение *job tvoju mat'* было оскорбительным и вместо предполагаемого *я* агент действия выражался словом *пес*. Об этом говорит Б.А.Успенский, приводя множество примеров, которые все же мало что доказывают (Успенский 1996: 109-126). В.Ю.Михайлин считает, что не в псе дело, а просто мат – это мужской обсценный код (Михайлин 2000: 348).

Мы полагаем, что это уже вторичное формирование анализируемого выражения. Скорее всего первичным было выражение с *я*. Оно совершенно не было оскорбительным, хотя и обозначало именно совокупление. Однако означало оно не секс, не надругательство как таковое, а определяло лишь власть, точнее обладание властью в несвоем роду.

То же выражение с *псом* – позднее, оно имело уже вполне определенную цель: оскорбить весь чужой род, отсюда выражения *сукины дети*, *сукин сын*, польск. *psia krew*. (Видимо, первичным термином и, естественно, не оскорбительным был *волчица*, а не *сука*. Это отражено и в легенде о capitoлийской волчице, взрастившей Ромула и Рема). Кстати, Собакевич у Н.В.Гоголя в «МЕРТВЫХ ДУШАХ» – тоже «сукин сын». Если разложить фамилию Собакевич по семантическим элементам, то выясняется, что таковыми являются суть: *собака* ('сука') + *евич* ('сын, потомок') = 'сукин сын'. Это уже эпоха патриархата, оскорбление, таким образом, наносилось не столько женщине, сколько мужчине, рогатому главе рода, видимо, поэтому отсутствует широкое употребление выражения *сукина дочь*. Нельзя не согласиться при такой постановке вопроса с, казалось бы, парадоксальным мнением того же Р.Брандта, что «матерная брань коренится не в презрении к матерям, а в уважении: при первоначальном, сознательном, ея употреблении, несомненно, имелось в виду, что человек сильнее, чем личную обиду, почувствует обиду, нанесенную его матери» (Брандт 1915: 356).

Понятно, что при таком значении глагол **jebati/jebti* постепенно стал переходить в разряд ругательных и потому в дальнейшем неуклонно начал табуироваться, особенно в восточнославянских языках.

Что же касается «неприличных» наименований гениталий, то и они не позаимствованы из тюркских языков, а имеют глубокие общеславянские корни. Название мужского органа, как известно, состоит из трех букв. И оно является однокоренным словам *хвост* и *хвоя* из древнего корня **XŪ-* с первичным значением 'отросток, побег'.

Название же женского полового органа происходит от общеславянского глагола **pi'sati*. После падения редуцированных глухой *s* перед звонким *d* получил озвончение (*z*). В болгарских диалектах этим именем часто называется любая расщелина в скале, из которой течет вода. Это такие гидронимические названия, как *Пизда*, *Пиздина Вода*, *Пиздица*, *Пиздишка ряка* (Балкански 1996: 36-37; Ангелова-Атанасова 1996: 338).

Относительно лексемы *manda* польский исследователь категорично заметил: «Манда является, безо всяких сомнений, заимствованием из польск. *męda*, *menda*, 'зоол. *phithirius pubis*

a. pediculus pubis, owad pólpokrywy wszowaty' (Słownik języka polskiego. Warszawa, 1902, t.II, s.933). Этимологически связано прасл. *mądo* 'testiculus; jądro' (Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, s.607)» (Fałowski 1996: 88).

Однако в русском языке кроме этого слова есть еще слово, обозначающее вообще половой орган (чаще мужской) – *mude*. Правда, это слово первично обозначало мошонку (мужские яички), отсюда бранное слово *mudak*, прежде обозначавшее мужчину со слишком большой мошонкой, которая мешала ему в хозяйственных работах. Кстати, фамилия Мудаковы была распространена у донских казаков (см. Корягин 1997).

Конечно, мат безусловно должен быть исключен из обычной речи в нашем обществе. Сфера чисто мужского применения этого эмоционального языкового средства – вопрос лишь характера отношений между говорящими. В отношении мата вполне применимы слова Арсения Тарковского, сказанные, впрочем, по совсем иному поводу: *«Впрочем, дурных самих по себе слов в толковом словаре нет. Я уже как-то имел случай рассказать, что моя мать полагала, будто мусора не существует, а есть вещи не на своем месте. Пух на полу – мусор, а в подушке – свойственное ей наполнение»* (Тарковский 1991: 223).

И, наконец, весьма оригинально, идя от реальной жизни, освятил русский мат известнейший профессор-литературовед П.А.Николаев, ветеран Второй Мировой: *«Вот утверждают, дескать, на войне ребята бросались в атаку, выкрикивали: «За Родину! За Сталина». Но во время бега невозможно произнести этой фразы – дыхания не хватит. Бежит мальчик семнадцатилетний и знает, что погибнет. После каждой такой атаки во взводе погибала половина. И они выкрикивали мат. Они спасались этим, чтобы не сойти с ума. Есть мат, который священен. Когда идут по улице молодые разгильдяи с бутылками пива и девчонки рядом ругаются, у меня это вызывает рвотные чувства, потому что я воспринимаю как оскорбление по отношению к мату, с которым погибали дети России...»* (Лит. газ. 2004: 11).

Что же касается употребления матерщины в художественной литературе, то это проблема художественного вкуса писателя, его чувства меры. Возьмем хотя бы Юза Алешковского,

виртуозно употребляющего мат в своем творчестве. Он так охарактеризовал свое отношение к матерщине: *«Я думаю, что так называемые матерные слова поначалу-то были словами не ругательными, а сакральными, священными. Поскольку органы наши, гениталии мужчин и женщин, – они же производят бытие будущих поколений. И пра-пра-прачеловек не мог не испытывать восторга и ужаса перед воспроизводительной родовой деятельностью своей. По важности выполняемых функций половые органы – это number one. Я даже считаю, что их деятельность важнее деятельности мозга».*

И это остается загадкой, – почему слова сакральные, священные, имевшие несомненное отношение к фаллическому культу и культу Матери-земли, стали словами запрещенными, презираемыми и тем не менее употребляемыми (Шигарева 1999: 19).

Об этом же с сарказмом написал В.В.Розанов: *«...у христиан все «неприличное», – и по мере того как «неприличие» увеличивается – уходит «в грех», в «дурное», в «скверну», «гадкое»: так что уже само собою и без комментариев, указаний и доказательств, без теории, сфера половой жизни и половых органов – этот отдел мировой застенчивости, мировой скрываемости, – пала в преисподнюю «исчадия сатанизма», «дьявольщины», в основе же – «ужасной, невыносимой мерзости», «мировой вони»...» (Розанов 2002: 92).*

Юз Алешковский, видимо, прав. Действительно, лексика, означающая гениталии, в эпоху язычества была сакральной. Знаменитый славянский бог Святовит (Збручский идол) был выполнен в виде огромного фаллообразного монумента. С переходом же к христианству святыни язычества были уничтожены, знаковые системы резко поменялись, и фаллоозначающая лексика оказалась табуированной, неприличной.

Он же так определил свое отношение к мату в литературе: *«Все-таки я реалист, и если персонажи изъясняются именно так, иначе их речь себе представить трудно. Особенно если это урка, или хулиган, или руководитель, который только матом и может поднять в народе трудовой энтузиазм, то попытки изменить их речь я бы считал плевком своей музе. Никогда в жизни я себе этого не позволяю» (Шигарева 1999).*

Прозаик В.Сорокин по поводу мата высказался следующим образом: *«Язык нельзя винить. Он, как вода, течет туда, где*

есть свободное место. <...>. И писатель, который хочет идти в ногу со временем, а не создавать анахронизмы, как это делает большинство тех, кто окопался в толстых журналах, должен учитывать движение этой воды. Ведь мат стал частью нашей речи».

Что плохого в этих словах? «Я много думал о том, что культура, христианская культура, разделила человека на «верх» и «низ». И далее маститый автор говорит, что табуирование мата, названий гениталий является лишь проявлением искусственной, ничем не оправданной, стыдливости (АиФ 2001: 23). И еще: *«Мат в моих текстах играет весьма разнообразные роли: от детонатора, взрывающего массу мертвого литературного языка, до простой части речи и, наконец, до божественной перламутровой спермы, изливающейся в плодотворный литературный чернозем. Литератор, обходящийся без мата, равносильен пианисту, отрезавшему себе один из пальцев. Можно, безусловно, и так играть, но я предпочитаю десятью пальцами»* (Моск. комсомолец 2001: 22).

Некоторые современные писатели говорили о том, что если мат будет обычным в литературе, то он постепенно исчезнет. Еще раньше об этом же писал Вс.Иванов: *«Наш народ – бунтарь. Вот упрекают нас в том, что мы любим ругаться матерно. Да, и действительно ругаются много. И неслыханно много ругались на фронте. А почему? Бунтует, отрекается, ничего святого – даже «заголил на березке подол», не признает запрещенного. А начни завтра выпускать, предположим, газету, – все газеты, где матерщина была б через каждую фразу, поморщились бы дня три – и перестали б ругаться»* (Иванов 1978: 470).

У всех наших крупных писателей всегда, кроме цензуры, был и свой внутренний редактор – совесть, который не позволял излишеств в лексике, как бы того ни хотелось. Тот же А.П.Чехов в письме упрекал А.М.Горького за не совсем пристойные слова, по его мнению: *«За сим еще одно: Вы по натуре лирик, тембр у Вашей души мягкий. Если бы Вы были композитором, то избегали бы писать марши. Грубить, шуметь, язвить, неистово обличать – это несвойственно Вашему таланту. Отсюда Вы поймете, если я посоветую Вам не пощадить в корректуре сукиных сынов, кобелей и пшибздигов,*

мелькающих там и сям на страницах "ЖИЗНИ" (3 сент. 1899 г.).

Итак, вся «нехорошая» лексика – исконно родная, славянская, связанная тысячами нитей с общенациональным лексическим богатством всех славянских языков, поэтому негоже лингвистам отворачиваться от нее. Писателям же можно ею пользоваться, когда без нее теряется содержательность и образность произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басинский П. Четвертая правда Ангелова-Атанасова М. Топонимия на горнооряховско. Велико Търново, 1996.
2. Балкански Т. Западнородопските власи: Етнос. Етнонимия. Ономастика. Велико Търново, 1996
3. Брандт Р. Кое-что о нескольких словах // Русский филологический вестник, 1915, № 3/4.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. С.-Пб.-М., 1909, т.4, ст.1244.
5. Ильина Н.И. Дороги и судьбы. М., 1991.
6. Ковалев Г.Ф. Ономастические этюды: писатель и имя. Воронеж, 2002.
7. Липкин С.И. Квадрига. М., 1997.
8. Михайлин В.Ю. Русский мат как мужской обценный код: проблема происхождения и эволюции статуса // Новое литературное обозрение, 2000, №43.
9. Успенский Б.А. Избранные труды. В 3-х т. М., 1996, т.2.
10. Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. СПб.-Харьков, 1996.
11. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1981, вып.8, с.114.
12. Fałowski A. «Ein Rusch Boech...» rosyjsko-niemiecki anonimowy słownik i rozmówki z XVI wieku. Analiza językowa. Kraków, 1996.
13. Fałowski A. «Ein Rusch Boech...» Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert. Köln, Weimar, Wien, 1994.
14. Völkel P. Prawopisny słownik hornjoserbskeje řeče. Budyšin, 1981.

Источники

1. Аргументы и факты. – 2001. – №47.
2. Аргументы и факты. – 2001. – №49.
3. Берберова Н.Н. Курсив мой. – М., 1999.
4. Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. – М., 1990.
5. Бунин И.А. Освобождение Толстого // Собр. соч. в 9 т. – М., 1967. – Т.9.
6. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. – М., 1998.

7. Горький А.М. О литературе. – М., 1953.
8. Иванов В.В. Собр. соч. в 8 т. – М., 1978. – Т.8.
9. Кони А.Ф. Воспоминания о писателях. – М., 1989.
10. Корягин С.В. Непристойные фамилии у донского казачества // Летопись историко-родословного общества в Москве. – 1997. – №4-5.
11. Литературная газета. – 2004. – №37.
12. Лотман Ю.М. Не-мемуары // Лотмановский сборник. – М., 1995. – Вып.1с.
13. Мандельштам Н.Я. Вторая книга. – М., 1999.
14. Маяковский
15. Московский комсомолец. – 2001. – №22.
16. Несмелов А. «Переходя границу» // Поэзия русского зарубежья. – М., 2001.
17. Одоевцева И.В. На берегах Сены. – М., 1989.
18. Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. – М., 2000.
19. Розанов В.В. Уединенное. – М., 2002.
20. Роскина Н. «Как будто прощаюсь снова...» // Звезда. – 1989. – №6.
21. Сарнов Б. Юмористические записи и выписки // Вопросы литературы. – 2002. – №3.
22. Тарковский А.А. О поэтическом языке // Собр. соч. в 3 т. – М., 1991. – Т.2.
23. Труд. – 2002. – 25 июля.
24. Цепляев В. Эдуард Лимонов: «Да положил я на читателя!» // Аргументы и факты. – 2004. – №20. – С.20.
25. Чуковский К.И. Дневник 1901-1929. – М., 1991.
26. Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. – М., 1991.
27. Шигарева Ю. Мат – слова священные // Аргументы и факты. – 1999. – №38. – С.19.

Получено 1.12.2004 Воронежский государственный университет